

Проблема отношения понятий «социальное — индивидуальное» в социальной теории XX века: классика и современность

С.В. Мансуров
аспирант

Вопрос об отношении двух понятий социального и индивидуального всегда имел большое значение. Дело в том, что социальная теория определяла собственный предмет и метод через разрешение этого отношения. Если это отношение представляется отношением противоположных сущностей, тогда ценности, представления, практические способы восприятия в жизни человека рассматриваются как некоторые «вещи в себе». Такие социальные качества подобны представлению объектов физической природы как существующих, согласно тому, как они нам представлены, но все же совершенно независимо от того, что представляют из себя наши способности. Разделение по принципу «эта деятельность человека является деятельностью социального существа, а это действие индивида», скорее, следует распределению производственных обязанностей, или ролевому взаимодействию, чем аналитическому научному подходу. Проблему усугубляет то, что научное использование понятий оказалось не свободно от сильной традиции того, как эти понятия уже были приспособлены для повседневного описания отношений между людьми и социальными институтами. Почему же в классической социологии, в позитивистской социальной теории, в классической теории социальных систем наследуется повседневный набросок социальных связей?

Существует проблема критериев выбора между тем или иным описанием действительности. Она является общей для всех наук. Для социальной теории эта проблема имеет специфические аспекты. Предметом социальной теории является в широком смысле область социальных отношений. Здесь надо специфицировать выражение

«отношения», но это вызывает проблемы, как и определение того, кто вступает в отношения и с кем. Выражения «отношения между людьми», «отношения субъекта с другими», «отношения агента действия с другими», «отношения Это и других» — все они уже предполагают решение фундаментальной проблемы определения социального отношения, где под вопросом не только то, как организованы отношения, но и кто вступает в отношения.

Сложные вопросы онтологического характера легко преодолеваются в обыденных представлениях. Повседневная деятельность требует схем, в которых участники отношений выступают в качестве объектов деятельности — действие по отношению к другому схематизируется определенным воспроизводимым способом. Нужно отметить, что значит здесь схематизация. Это значит, что согласно принятому представлению, действие является моим или действием другого, или же действием «системы», которой я могу уступать, противостоять, подчиняться, так же как и любой другой. «Система» не имеет личности, центра, источника, периферии. Это набор норм, правил, установок, которые существуют потому, что необходимо поддерживать стабильность отношений, нечто виртуальное. Я принимаю систему, но при этом полностью осознаю, что она работает, как она работает; также я полагаю, что по мере необходимости аутентичное состояние я подавляю, чтобы не вступать в противоречие с системой. Удобно отношение: один человек — один объект и т.д.

В повседневных отношениях легко представлять себя носителем двойного содержания: на одном уровне аутентичное Я, на другом уровне — личность. Считается что личность — это набор средств и инструментов для деятельности во «внешнем» мире. С такой раздвоенностью легко примириться, она удобна. Однако для теории очевидно критерий эффективности схематизации деятельности не может быть решающим. Возможно, что такого рода схематизация являлась необходимой для становления социальной теории, для того, чтобы она могла сформулировать сама для себя собственный статус.

Важнее этого теоретического условия другая причина подобного представления содержания двух понятий, которая состоит в постоянно воспроизводящемся отношении к человеку как к вещи, предмету производства и распределения. Это вещь, ответственная перед множеством других, но не ответственная перед собой; обучаемая и умная, но не самостоятельная; одновременно замкнутая в атомистическом единстве и прогнозируемая и т.д. Постоянно практикуемое,

поддерживаемое отношение к самому себе как к вещи привело к тому, что социальная теория, очень сильно упрощая антропологическую проблематику, стала за короткий срок уважаемой и востребованной научной дисциплиной. Здесь есть несколько аспектов, критикующих это положение — онтологический (критика Хайдеггером онтического замещения человека), политический (критика европейского рационализма, европейского тоталитаризма и либерализма), феноменологический (критика доминирующих социальных представлений) и другие. Классическая социальная теория, претендуя на статус свободного от предубеждений научного знания, таким образом, отразила в себе, как в зеркале, господствующее восприятие самих себя людьми начала XX века. Выделим ряд черт, которые характеризовали основные концепции классической социальной теории.

1. Существует две сферы действия, сфера социального действия и сфера индивидуального действия, так что одно действие человека, поступок, может быть либо одним, либо другим, но не тем и другим одновременно.

Здесь, во-первых, упомянем классические взгляды Э. Дюркгейма. Согласно этим взглядам, социальная деятельность является внешней по отношению к индивидуальной деятельности*. Социальная деятельность «существует» вне индивидуального сознания, вне сферы индивидуального, что предполагает разделение реальности на индивидуальную и социальную. Социальное — принуждающее, ограничивающее индивидуальную сферу событие, норма, факт, действие.

Во-вторых, поскольку индивидуальность — это незавершенная форма действия, методологически индивидуальность выступает в качестве отрицательного содержания в процессе научного познания человека, характеристика индивидуальных черт ничего о человеке положительного не высказывает (в социальной мысли вообще — не только в теоретической социологии, но и в социальной философии эта позиция распространена и имеет сильную историческую основу. Для философской мысли эта основа — работы И. Канта, прежде всего «Критика практического разума»).

2. Понятие индивидуального указывает на нечто, что обладает меньшей ценностью и что является менее действительными, чем то, что является предметом понятия «социальное», либо наоборот. Социальная история, динамика, законы — преимущественны над любыми

* Durkheim E., *The Rules of the Sociological Method* (Ed. by Steven Lukes; trans. by W.D. Halls). New York, 1982. P. 50.

индивидуальными феноменами. Это происходит, например, потому, что социальные отношения непосредственно выражают родовую сущность человека. Об этом писал К.Маркс — представление индивидуального бытия человека рождено определенным типом социальных отношений. Скорее, человеческое как таковое является фундаментальным понятием, а вот понятие «индивидуального» — продукт определенных исторических форм социальных отношений. Без осознания себя как родового существа индивид оказывается отчужденным.

3. Индивид оперирует социальными отношениями для того, чтобы решать некоторые «экзистенциальные» внутренние противоречия. В социологии активно используется понятие «социализации» как «усвоения» от значимых Других принятых способов деятельности. Здесь также используется представление о человеческой природе, которая предшествует социальной природе.

4. Социальность — самостоятельная среда, автомат, который реализует наиболее эффективный способ устройства человеческого действия. У Т. Парсонса индивид и социальная система связываются по линии конформность — отчуждение: человек тогда находится в социальной системе, когда его поведение соответствует ожиданиям других, а поведение других соответствует его ожиданиям. Парсонс признаёт, что существует проблема социальной интеграции, т.е. социальная интеграция не является безусловной. Вообще не будет преувеличением сказать, что для Парсонса сущность понятия социального — в интеграции отношений. Эта интеграция требует, чтобы индивиды обладали некоторыми тождественными представлениями, тождественными знаниями, тождественными реакциями на определенные события. Парсонс выстраивает собственную систему как систему закрепления интегрирующих элементов, несоциальных, индивидуальных потребностях индивида. Получается, что индивидуальность является у Парсонса производным концептом — как понятие оно не изначально и самостоятельно, а нужно для того, чтобы формулировать концепцию интегрированной системы. Парсонс указывает на социальную систему как такую структуру, которая содержит в себе механизмы устранения или изоляции девиантов, или коррекции девиантного поведения. Девиантное поведение состоит в отклонении от общепризнанных культурных стандартов; как быть с тем, что девиантным становится всё общество или общность? Понятие «асоциального» оказывается связано с понятием внешней угрозы интегрированной системе, которая исходит от патологически

ориентированных индивидов интеграция индивидуальности в личность и социальности в общество основаны на одном принципе. Социализация, следовательно, предполагает, что для участия в социальном взаимодействии индивид должен 1) войти в отношение власти-подчинения, 2) легитимировать собственные потребности через систему ожиданий другого. Именно использование данного закона характеризует всю систему взглядов Парсонса. Эта система ориентирована на объяснение социального взаимодействия, исходя из произвольно вводимой в теорию концепции энергии стабилизации как главной силы в обществе. Парсонс отождествляет два рода механизмов — механизмы, с помощью которых индивид входит в социальное взаимодействие (механизмы обучения, защиты и адаптации), и механизмы, с помощью которых общество как система поддерживает своё равновесие (механизм социального контроля, заставляющий акторов стремиться подавить в себе и в других индивидах стремление к отклонению от признанных норм в поведении).

5. Социальная среда и динамика формирует субъективность, но поскольку социальная динамика ориентированна только на собственное воспроизводство, то формируемый субъект испытывает репрессивное воздействие (отсюда стремление рассматривать девиантность и патологию как продукты господствующей формы воспроизводства). Речь никогда не идёт о социализации индивида как такового в его индивидуальности, поскольку для М.Фуко, одного из основоположников этого подхода в социальной теории, такой вопрос был бы метафизическим, можно было бы пренебречь историей техник социализации. Индивид всегда остаётся за границами исследования Фуко именно потому, что то, что всегда было привилегией индивида, что Власть и Знание всегда артикулировали в качестве сущности индивида — сексуальность, рефлексия, желание и страдание, воля к познанию и к жизни — оказываются историческими формами субъективности индивида. Метафизика индивида должна остаться за пределами исследования власти и знания, чтобы индивид не стал субъектом. Фуко часто употребляет термин «индивид», «индивидуальное отношение», но это отнюдь не значит, будто он создаёт историю становящейся индивидуальности; Фуко создаёт историю моделей субъективности, а субъективность — это форма отношения индивида к себе. Социализация связывается, по-видимому, с возможностью для индивида быть одновременно и субъектом, и объектом своего собственного знания.

6. Поддерживается отождествление понятия «социального» с классическими философскими и антропологическими категориями, например с понятием «рациональность». Ю. Хабермас полагает, что в нормативно организованных отношениях, поддерживаемых моралью, люди обладают гарантией того, что их отношения, их знания о мире, их оценки не безосновательны; только в форме организованной коммуникации разрозненные индивидуальные значения обретают значимость. Это отношение трансформации, т.к. предполагается нормативное переустройство спонтанных форм социальности — основное значение придаётся тому, что только специальным образом подготовленная коммуникация должна использоваться индивидом.

Почему становится возможным изменение классических взглядов? Изменяется не только динамика отношений в европейских обществах; изменение модели описания, которая предполагала разделение действительности человеческих отношений на социальную и индивидуальную части, произошло не только из-за зарождения постиндустриального общества, появления новых форм коммуникации, новых способов культурной и экономической организации, новых антропологических знаний. Произошли изменения в самой социальной теории, которые в очень значительной степени были вызваны новыми выводами в философии. Произошло переосмысление многих классических категорий — помимо затрагиваемых в этой статье понятий «гуманитарное», «научное знание», «ценность», «социальная реальность», «язык» и т.д. Теоретическая социология восприняла новые способы осмысления действительности, выработанные в онтологии, феноменологии, психоанализе. Итак, отметим некоторые черты критики классической схематизации со стороны неклассических социальных теорий.

1. Как социальная система, так и индивид — формы, которые в самом существенном образованы одной операцией — операцией различения, онтологически они не иерархизированы в качестве одной преимущественной и другой производной. Для Н. Лумана коммуникация включает в себя глубинные разногласия, т.е. она возможна вне ценностного консенсуса. Иначе говоря, у Парсонса при его системном подходе коммуникация, общество были возможны благодаря согласию членов общества относительно некоторого содержательный значений, а значит и благодаря наличию относительно них единства человеческой природы (антропологическая составляющая учения Парсонса основана на концепции Фрейда). Проблема социального

порядка — не проблема соединения уникальных сознаний и системы. Вообще всякое возможное отношение, всякое бытие — для не разворачивается из субстанции, но конструируется, комбинируется из различий, т.е. из отношений как таковых. Из этого надо сделать основной вывод — социальное отношение не является генерируемым отношением, но является генерирующим отношением, причем отношением внутри себя, аутопойетическим отношением. Это означает, что всякая идентичность — это проблема. Мы сталкиваемся с чем-то новым и конструируем для себя нечто «прошедшее», что является для нас стабильным «тем же самым». Подчеркивается то, что понятие индивидуальности обретало в классических текстах значение дестабилизирующего по отношению к социальной системе фактора, буквально выносилось за границы социально значимого именно потому, что сам классический социологический текст являлся воспроизводством доминирующих социальных схем, а не отстраненным анализом их. Попытка выделить понятие социального за счет нахождения его противоположности — тот же жест, которым классическое общество укреплало основания порядка, локализуя и даже организуя беспорядок*.

Термин «социализация» по отношению к индивиду лишен смысла. Общество не может быть антигуманным (в духе Э. Фромма), поскольку оно имеет дело не с «сущностью» человека, а всегда с самим собой.

2. Человек в конкретном действии ответственен в любой форме отношений, у него нет возможности скрыться от ответственности в долге, морали, обязательствах, здравом смысле. Человек осознаёт, что не может «спрятаться» за черту «роль — статус», за черту морального определения, гражданского определения — неклассическое сознание — это сознание ответственности перед самим собой как данным человеком. Когда правила становятся произвольными, когда возможны ситуации отсутствия гарантий оценки и значимости, тогда появляется осознание того, что правила — не вещи, а процессы структурирования, что значимость устанавливается в разных условиях по-разному. Сами силы оказываются различными — их нельзя свести к одной, будь то либидо, доминирование, эксплуатация или нечто иное. Субъекты, действующие в одном поле, несут в себе разные силы, разные отношения, сами являются совокупностью

* Scott Lash Communications, Code and the Crisis of Reproduction. Paper for the American Anthropology Association, Society for the Anthropology of Europe, 1999.

отношений. То, как есть индивид, не брошено ему в качестве судьбы, он не воплощает некоторый план, проект даже тогда, когда стремиться верить в это.

3. Опровержение представления о внеисторической природе человека, о неотчуждаемых свойствах и правах. Общество, основанное на товарно-денежном обороте, в силу своей деятельности постигает человека специфическими категориями «индивидуальность» и «неотчуждаемая человеческая сущность». Есть то, что в человеке является уникальным, отдельным, и есть то, на что всегда может положиться как данный действующий человек, так и тот, кто вступает с данным в отношения. Идеология сегодня — это представление о оболочном строении человека, где приобретаемые оболочки скрывают неотчуждаемую сущность, качество человека. Например, если фактор X — это либерально осмысленные классические западные права и свободы гражданина демократического государства, то необходимо репрессировать тех, кто поощряет отношения, противоположные отношениям в либеральном обществе. С. Жижек, анализируя социальные представления современного европейского общества, пишет о том, в частности, что не существует изначального морального чувства, способности морального суждения в человеке — т.е. опровергает сильный кантовский аргумент в пользу неотчуждаемой идентичности человека. Человек остаётся человеком за любыми границами, именно потому, что этот выход — за — границы ему присущ.

4. Классическая дихотомия социальное — индивидуальное на повседневном уровне работала в качестве способа дифференциации в обществе. Это начинают понимать уже в самой повседневности, в реальной динамике повседневного самоописания. Это означает, что участники отношений понимают то, что различие в социальном положении определятся не «внутренней» природой социальных отношений или «объективными» законами рынка или истории, а действиями каждого участника отношений. В новой игре представлений меняется стереотип изначального неравенства людей. Сами люди создают это неравенство, а не получают его в качестве исторической судьбы. Здесь важно то, что индивидуализация рассматривается как социальный феномен, а не как повышение индивидуальной свободы человека. Это отражено в работах таких современных социологов, как У. Бек* и А. Турен.

* Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М., 2000.

Постоянная изменчивость субъекта — то, о чем пишет и Бек, и Турен. Действительно, в одно и то же время я участвую в различных отношениях, принимаю разные социальные положения, выступаю как носитель разных социальных институтов. Это больше, чем просто ролевое разнообразие, возможность принимать разные паттерны действия, находясь в одной социальной нише. Понятие это — социальная ниша — перестаёт быть значимым. А возможность изменяться в социальном отношении (спонтанно осваивать и создавать новые виды деятельности) становится преимуществом, большим даже, чем выигрышем в плане социальной динамики или роста.

Классическая версия склонялась к приданию институтам изначального центрального положения в социальной динамике. Эти институты существовали по собственной логике, анонимно, в качестве машин, приводящих общество в равновесие. Они в границах теории выполняли важнейшую задачу: показать, как сохраняется порядок при изначальном неравенстве людей. Порядок сохранялся за счет того, что институты разделяли социальный хронотоп границами, непреодолимыми по замыслу, объективными. В новой игре представлений меняется стереотип изначального неравенства людей. Сами люди создают это неравенство, а не получают его в качестве исторической судьбы. Именно люди вызывают неравенство, различие в отношениях между собой, но не строят отношения по уже прочерченным линиям неравенства.

Ален Турен также высказывает постулат возвращения субъекта в социальную историю: речь идёт о том, что, во-первых, субъект социального действия «не имеет никакого постоянного субстанционального содержания», во-вторых, что этот субъект создаёт собственную историю, окружение, обстоятельства. Если принять правило — говорить не о том, как люди ведут себя в «действительности», а о том, как они представляют, высказываются о своих действиях, — то позиции Бека и Турена оказываются очень близкими. Действительно, ведь и Бек говорит о новой непосредственности индивида и общества, когда индивиды начинают принимать социальные проблемы как проблемы индивидуальные, а индивидуальные проблемы — как социальные проблемы. Они перестают видеть границу между двумя способами объяснения ситуации, своей жизни. То, что происходит в моей жизни, чрезвычайно трудно разделить на регионы, где преимущественно действовал или действую Я и где преимущественно действуют социальные институты.